

О. Л. ФЕТИСЕНКО

ОКРЕСТ ОПТИНОЙ

**(Достоевский и спор о «сентиментальном христианстве»
в пометах К. Н. Леонтьева на книге «Преподобного
отца нашего Аввы Дорофея душеполезные поучения...»)**

В феврале 1879 года в Оптину пустынь пришло письмо из Москвы. Сын придворного и публициста В. С. Неклюдова (1818—1880), Анатолий Васильевич Неклюдов (1856—1943), вдохновленный чтением первой книги «Братьев Карамазовых», написал его своему старшему другу — К. Н. Леонтьеву.

«Пишу Вам из шумной Москвы, с масляницей, балаганами, рыхлым серым снегом, извошиками, пьяницами, блинами и блестящими балами, пишу в Оптину Пустынь... Как у Вас должно быть хорошо; тишина и благовест и башни монастырские над большими полями и спокойное зимнее небо, и уже великопостная служба и протяжное пение в полутемной церкви. Ей-ей сейчас бы сел в вагон, а там в сани и прикатил бы к вам.

„Утренюет дух мой!..”¹ Так должно быть всю жизнь и проутренюет! Правы Вы, тысячу раз правы в Ваших воззрениях на нравственную жизнь современных дней. Жили наши прадеды и жили в волю; бесу угождали — угождали вдоволь; но была и обратная сторона, была вера крепкая и жизнь по вере, деятельной и счастливой; и нередки были переходы от одного к другому, от Мамона к Богу, переходы нелицемерные, со слезами и раскаянием, но и с утешением и радостью. А теперь — „ни Богу свечка, ни черту кочерга” — вот что мы; я по крайней мере себя таковым чувствую. Ведь кажется простая была бы вещь взять, например, да поехать в Монастырь недель на 6, постом — ан нет! — Хорошо если только умственные способности станут свидетельствовать,² а то и в чем-нибудь „политическом” по-

¹ Цитата из песнопения Постной триоди «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче...» («Утренюет бо дух мой ко храму святому Твоему...»).

² А. В. Неклюдов мог знать, что подобное пришлось пережить К. Н. Леонтьеву в 1872 году, когда Н. П. Игнатъев послал к нему в Салоники и на Афон доктора В. Каракановского, видимо, для негласного освидетельствования (письмо В. Каракановского Леонтьеву от 17 марта 1872 года — ГЛМ, ф. 196, оп. 1, ед. хр. 146). О разговорах в дипломатических кругах по поводу душевного нездоровья консула, «задержавшегося» на Афоне, см.: *Фетисенко О. Л.* Путь Константина Леонтьева к монашеству // *Православный летописец Санкт-Петербурга*. 2001. № 2. С. 107. А. В. Неклюдов впоследствии стал дипломатом, служил в Швеции.

дозревать станут! Нечего делать — приходится Великого Поста ждать, с затишьем и оттепелью, и мефимонами в Успенском соборе».³

За поэтичным вступлением следует сообщение о литературной новинке, которая, конечно, и навяла автору письма «покаянный» лиризм, и напомнила об оптинском «отшельнике». Эта новинка действовала на юношу тем сильнее, что читалась в дни приготовления к Великому посту.

«Ну а теперь о важном вопросе дня, о „явлении“, ибо оно положительно таковым мне показалось — я говорю о „Братьях Карамазовых“ Достоевского, появившихся в Январской книжке Русск(ого) Вестника. Место действия у Вас в Оптиной! Старец Зосима! Характер злого старого шута! до какой-то истеричной крайности доведенный и в то же время поразительно пластичный и верный! Это сопоставление двух бесовских сил: беса безверной злой и необычайной лжи с бесом гнева и необузданной страсти обещает в будущем замечательную по верности завязки и оригинальности положений драму. А детали! Этот разговор старца с бабами! Этот обед у Игумна, эти второстепенные типы... Не хочу продолжать, ибо, может статься, вы и не читали. Жду Вашего ответа и мнения».⁴

Письмо А. В. Неклюдова с побуждением к высказыванию о «Братьях Карамазовых» является одним из первых в обширной переписке Леонтьева упоминаний об этом произведении.⁵ Оно написано 6 февраля, т. е. на пятый день после выхода январской книжки «Русского вестника». Ответное письмо, к сожалению, неизвестно. Но хорошо известна нелюбовь Леонтьева к последнему роману Достоевского. Говоря о ней, однако, теперь не вспоминают о том, что очередные главы «Братьев Карамазовых» (гл. V—VIII восьмой книги третьей части) печатались в 1879 году в ноябрьской книжке «Русского вестника» рядом с началом одной из лучших книг Леонтьева «Отец Климент», получившей впоследствии другое название.⁶ Думается, что это обстоятельство невольной встречи могло увеличить некоторый оттенок почти болезненного, напряженного внимания будущего монаха Климента к позднему творчеству Достоевского.

³ ГЛМ, ф. 196, оп. 1, ед. хр. 187, л. 3—4 об.

⁴ Там же, л. 4 об.—5 об.

⁵ До этого о своем ожидании «нового романа Достоевского» 6 января 1879 года Леонтьеву писал Вс. С. Соловьев. См.: *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского*. СПб., 1995. Т. 3. 1875—1881. С. 299.

⁶ В варшавском издании 1880 года — «Православный немец. Оптинский иеромонах отец Климент Зедеггольм», в оптинском издании 1882 года — «Отец Климент Зедеггольм, иеромонах Оптиной пустыни». С. Н. Дурылин отметил другую встречу Достоевского и Леонтьева на страницах «Русского вестника»: «Бесы» и повесть «Аспазия Ламприди» в 1871 году (*Дурылин С. Н. В своем углу*. М., 1991. С. 163), но это «соседство» не имело того символического характера, который можно усмотреть во встрече «Отца Климента» и «Братьев Карамазовых».

Встреча в «Русском вестнике» привела еще и к тому, что «Отца Климента Зедергольма» рецензенты упоминали рядом с «Братьями Карамазовыми». На журнальную публикацию откликнулся киевский журнал «Руководство для сельских пастырей». ⁷ Правда, этот отклик мог скорее огорчить Леонтьева, нежели обрадовать, поскольку, представляя его произведение, неизвестный автор прежде всего напоминал о романе, монастырские («оптинские», как считается до сих пор) страницы которого для биографа отца Климента вскоре стали предметом полемики. «В прошлом году в светской литературе весьма ощутительно стал замечаться во взглядах на монашество резкий переворот. В „Русском Вестнике“, в весьма замечательном, всеми жадно читаемом, романе г. Достоевского „Братья Карамазовы“ рельефно выставлены светлые стороны монашества; но еще яснее высокое достоинство монашества изображено в статье того же журнала под заглавием: „Отец Климент“, вышедшей из-под пера высокообразованного и уважаемого обществом светского писателя». ⁸

Еще одно сопоставление с Достоевским было сделано в рецензии на второе отдельное издание. В начале 1883 года в журнале «Церковный вестник» (орган Санкт-Петербургской Духовной академии) появилась статья «Что такое старчество?», подписанная криптонимом А. С. ⁹ Возможно, ее автором был знакомый Леонтьева и покойного о. Климента, сын сенатора П. И. Саломона, часто посещавшего с семьей Оптину пустынь, — Александр Петрович Саломон (1853—1908); по крайней мере именно так — А. С. — он подписывал статьи в «Гражданине». Как явствует уже из заглавия, основное внимание автора статьи было обращено к теме старчества. При характеристике нарисованного Леонтьевым образа старца делается двойная отсылка к Пушкину и Достоевскому: «Черты оптинского старца напоминают нам образ подвижника древнейшей Руси, величественную простоту и доброту отца Пимена, художественно представленного покойным Достоевским». ¹⁰ Здесь, вероятно, подразумевается чтение Достоевским монолога Пимена на вечере Общества любителей российской словесности 6 июня 1880 года, во время пушкинских торжеств в Москве, а также фрагмент о «типе русского инока-летописца» из Пушкинской речи (26, 144). Такое сравнение могло больше понравиться Леонтьеву. Правда, первое имя «из Достоевского», которое предуга-

⁷ По поводу статьи «Русского вестника» «Отец Климент», помещенной в ноябрьской и декабрьской книжках 1879 г. // *Руководство для сельских пастырей*. 1880. № 12. С. 341—362. № 13. С. 375—389.

⁸ Там же. № 12. С. 342—343. Другой пример см.: *Леонтьев К. Н.* Полное собр. соч. и писем: В 12 т. СПб., 2004. Т. 6, кн. 2. С. 400. (Далее ПСС и П).

⁹ А. С. Что такое старчество?: (По поводу книги К. Леонтьева: Отец Климент Зедергольм, иеромонах Оптиной пустыни) // *Церковный вестник*. 1883. № 1. С. 4—5.

¹⁰ Там же. С. 5.

дывается читателем, это все-таки не пушкинский Пимен, а Зосима (при беглом чтении статьи А. С. даже может показаться, что автор ошибся).

Читая монастырские главы «Карамазовых», Леонтьев не мог не заметить, что Достоевский обращался к тем же источникам, что и он сам: книгам о. Леонида (Кавелина) «Историческое описание Введенской Оптиной пустыни» (3-е изд. М., 1878) и «Жизнеописание Оптинского старца иеросхимонаха Леонида (в схиме Льва)» (М., 1876).¹¹ Достоевский не хуже Леонтьева был знаком с истоками русской традиции старчества — в жизни и трудах св. Паисия Величковского. Но об этом Леонтьев ни разу не упомянул. По-видимому, что бы ни писал Достоевский о монастыре, ему, оптинцу, все казалось свидетельством одного из «внешних». Для Леонтьева было дорого, что биография о. Климента написана в Оптиной и еще в рукописи читалась старцем Амвросием,¹² что средства от продажи первого отдельного издания были пожертвованы на оптинскую больницу, что старец Амвросий раздавал его книгу (издание 1882 года) образованным паломникам.¹³ Может быть, поэтому, несколько ревнуя к славе «Братьев Карамазовых» и не вполне оправданно применяя к художественному произведению критерий документальности, автор «Отца Климента» с такой настойчивостью и подчеркивал вымышленность

---

¹¹ В распоряжении Леонтьева были также документы оптинского архива, прежде всего — еще не опубликованное тогда житие старца Леонида, написанное о. Климентом (издано было лишь в 1890 году).

¹² По свидетельству племянницы писателя, М. В. Леонтьевой, книга писалась в полном смысле слова по благословию старца Амвросия. «Когда он писал жизнеописание О. Климента Зедергольма, — то много раз я носила Батюшке Амвросию (дядя тогда жил в Оптиной) — места рукописи, почему-либо вызвавшие сомнение дяди, и читала их Батюшке, и только после разрешения сомнений, — переписывала для печати» (письмо М. В. Леонтьевой Г. В. Постникову от 16 января 1922 года — ГЛМ, ф. 196, оп. 1, ед. хр. 352, л. 8 об.—9).

¹³ См.: Литературные автопортреты К. Н. Леонтьева / Вступ. ст., публ., коммент. В. А. Котельникова, О. Л. Фетисенко // Русская литература. 2001. № 2. С. 159. По свидетельству о. Эразма (в миру Эраста Кузьмича Вытропского), старец Амвросий к своему духовному сыну «имел такое доверие, что нередко адресовал к нему тех из своих интеллигентных посетителей, которые нуждались в убеждениях в суете мира сего и необходимости веры в Евангелие» (Е. В. [Эразм (Вытропский)]. Историческое описание Козельской Оптиной Пустыни и Предтечева скита. Троице-Сергиева Лавра, 1902. С. 124). Т. е. Леонтьеву пришлось для кого-то послужить и катехизатором (ср. его рассуждения об отличии катехизатора от духовника в книге об о. Клименте). Один из эпизодов такого рода, связанный, кстати, со знакомой Э. К. Вытропского, доктором Соколовой, рассказан Леонтьевым в письме к Т. И. Филиппову от 26 июля 1886 года: «...по совету старца ходила ко мне, я старался и утешить и обратить ее (она по крайней мере деистка, что облегчает дело) (...) я все уговаривал ее поступить доктором в Шардинскую женскую общину (...) Кажется, близится к обращению...» (РГАЛИ, ф. 2980, оп. 1, ед. хр. 1024, л. 28).

изображаемой Достоевским монастырской жизни, опровергал сложившуюся еще при жизни писателя соотнесенность монастырских глав с Оптиной пустыней, не раз приводил свидетельства о реакции на роман оптинской братии, не признавшей в Зосиме настоящего старца. «...Когда Достоевский напечатал свои надежды на *земное торжество христианства* в „Братьях Карамазовых“, то оптинские иеромонахи, смеясь, спрашивали друг друга: „Уж не вы ли, отец такой-то, так думаете?“¹⁴ «...Ни по методе руководства, ни даже по манере говорить — мечтательный старец Достоевского на действительного Оптинского подвижника не похож. Да и вообще от. Зосима ни на какого из живших прежде и ныне существующих русских старцев не похож».¹⁵

Говоря об оптинских перекрестьях в путях Достоевского и Леонтьева, можно вспомнить эпизод, не замеченный исследователями. В «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» упомянута, но не приведена запись от 2 мая 1880 года в записной книжке давнего друга Леонтьева, К. Н. Бестужева-Рюмина. В эти дни историк читал «Братьев Карамазовых» в салоне С.А. Феоктистовой. 2 мая читались главы книг «Русский инок» и «Митя». Для нас важно, что даже в краткой записи есть оценка интересующего нас персонажа: «Вечер у С. — хорошо, чтение „Карамазовых“ (житие Зосимы — святой XIX в., кутеж Д. Карамазова)...». А «перекрестьем» мы назвали этот эпизод потому, что начинается запись об этом дне словами: «Был у Леонт(ьева)».¹⁶ Речь идет именно о К. Леонтьеве, приехавшем тогда в столицу хлопотать о помощи газете «Варшавский дневник».¹⁷ В апреле 1880 года Бестужев-Рюмин несколько раз встречался с Достоевским, устраивая вечер в Славянском благотворительном обществе, где писатель читал отрывки из еще не изданной десятой книги романа («Мальчики»). Если и заходила речь при встрече с Леонтьевым 2 мая о литературных новинках, то несомненно — «Братья Карамазовы» не были забыты.

¹⁴ К. Леонтьев о Владимире Соловьеве и эстетике жизни: (По двум письмам). М., 1912. С. 29. Точка зрения Леонтьева корректируется другими свидетельствами, приведенными в статье: Беловолов Г., *свящ.* Оптинские предания о Достоевском // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 1997. Т. 14. С. 301—312. О теме «Достоевский и Оптина» см. также: Фудель С. И. Наследство Достоевского. М., 1998. С. 169—185; Котельников В. Православные подвижники. М., 2002. С. 274—293.

¹⁵ Леонтьев К. Оптинский старец Амвросий // Леонтьев К. Н. ПССиП. Т. 6, кн. 1. С. 816.

¹⁶ ИРЛИ, р. 1, оп. 2, № 254, л. 53.

¹⁷ Пребывание его в Петербурге именно в эти дни подтверждается, например, запиской Т. И. Филиппова от 1 мая 1880 года: «Приеду к Вам и прошу и Константина Аркадиевича (Губастова. — О. Ф.) позволения привести с собою Феоктистова, которого я к себе пригласил и который Вашего общества не испортит» (РГИА, ф. 728, оп. 1, ед. хр. 4, л. 10).

После кончины старца Амвросия Леонтьев думал о возможности со временем написать его житие. Вспоминая батюшку в письме к племяннику В. В. Леонтьеву от 20 октября 1891 года, монах Климент заметил: «И мало что я мог бы еще рассказать! Писать, однако, я теперь об нем не буду. — Краткого некролога не умею написать по общей *трафаретке*; — на это нашлись уже и найдутся еще другие. — Но я буду думать об этом; предложу в Оптиной и Шамардине собирать матерьял; — и когда соберется достаточно и сам разберусь в мыслях и чувствах моих, *то увижу* (через год, например) — *могу ли* я писать о нем или не могу. — А до тех пор не знаю; — не могу решить».¹⁸ Однако дни их кончины разделяет всего лишь месяц (10 октября и 12 ноября). Вместо «трафаретного» некролога Леонтьев успел лишь подготовить письмо в редакцию «Гражданина» с подборкой материалов из «Московских ведомостей» (некрологи и стихотворение, написанные его молодыми друзьями Е. Н. Погожевым (Поселяниным), А. А. Александровым и Ф. П. Чуфринным).¹⁹ 1 ноября он писал в Шамординский монастырь Л. О. Раевской: «Сам теперь *серьезного* об нем писать не собрался; да это и обдумать надо; — а посылаю в „Гражд(анин)“, где об нем до сих пор не было ни слова — 2—3 письма, которые наполовину будут состоять из *вырезок* тех же „Моск(овских) Вед(омостей)“; собственного будет мало. — Иначе *сразу* я не умею. — Богу угодно будет — Он научит *как и когда* взяться за серьезный труд».²⁰

Упоминание о старце Зосиме в некрологе *своего старца*, свидетельствует о том, что посмертный спор с Достоевским продолжал волновать Леонтьева до последних дней. В контексте этого спора важен еще один эпизод: неудачная попытка Леонтьева написать подлинное, а не «маргариновое», по его выражению, христианское художественное произведение. Ему не удалось изобразить возрождение героев после встречи со старцем. Неоконченная повесть «Подруги» (первое название «Пути Господни»), создававшаяся по благословению и советам²¹ старца Амвросия, обрывается как раз на главе об

¹⁸ Леонтьев К. Н. ПССиП. Т. 6, кн. 2. С. 598. Ср.: «А Константин Николаевич действительно собирался со временем написать это житие. (...) Сказал, что теперь ничего не напишет о старце, а со временем примется за его биографию, и напишет не житие по шаблону, а изобразит старца как живого человека, со всеми его совершенствами и с теми немощами, пожалуй, недостатками, какие были и в нем, как во всяком человеке, как бы высоко не стоял он по духовной жизни. И вот этого времени, когда Константин Николаевич хотел изобразить нам живого отца Амвросия, уже не будет... А обещание ничего не писать о старце теперь, под свежим впечатлением его потери, он сдержал» (Субботин Н. Из Сергиева Посада: (Письмо в редакцию) // Там же. С. 598—599).

¹⁹ Гражданин. 1891. № 305. 3 ноября. С. 2; № 313. 11 ноября. С. 2.

²⁰ Леонтьев К. Н. ПССиП. Т. 6, кн. 2. С. 599.

²¹ Замечательна и характерна в этом отношении записка Леонтьева Э. К. Вытропскому от 20 января 1890 года (год установлен по содержанию), в которой он

Андреевском монастыре — в начале сцены, когда старец Мартирий, в котором угадываются черты преп. Амвросия и Макария, приходит в гостиницу к главной героине произведения. Неудача постигла и роман «Две избранницы» (первое название «Генерал Матвеев»; 1870—1885): третья его часть, в которой также должно было совершаться возрождение и преображение героев, пропала в редакции журнала «Россия» в годы, когда его новые владельцы вели с Леонтьевым тяжбу. Нереализованным остался примыкавший к этому роману замысел «Святогорские отшельники». Все это лишь обостряло отрицательное отношение писателя к последней книге Достоевского.

Упоминания об авторе «Карамазовых» и Пушкинской речи прощались не только на странице статей и писем, но и в маргиналии. Среди немногих сохранившихся книг с пометами Леонтьева одна из наиболее значимых — оптинское издание «Поучений и посланий» преподобного Аввы Дорофея (8-е изд. М., 1888).²² Пометы на книге были адресованы священнику Иосифу Фуделю (1864—1918).

В начале нашей статьи не случайно говорится о книге «Отец Климент Зедергольм»: ведь первый полный перевод «Поучений» на русский язык был сделан К. К. Зедергольмом, причем еще до поступления в монастырь. Книга была издана в Москве в 1857 году.²³ Старец Макарий писал свт. Игнатию (Брянчанинову) в декабре 1857 года: «Хотел побывать к нам Конст. Карл. Зедергольм, мой крестник. Он довольно сведущ и в латинском, и в греческом языке, им переведена книга Аввы Дорофея с греческого, только литературный язык после у нас поисправлен...».²⁴ Новая редакция перевода, подготовленная о. Климентом и преп. Анатолием Оптинским (Зерцаловым), издана в 1866 году, последующие издания воспроизвели именно эту редакцию. «Поучения» Аввы Дорофея Леонтьев несколько раз упоминает и цитирует в «Отце Клименте Зедергольме».

Вообще надо заметить, что Леонтьев неоднократно обращался к сохранившемуся экземпляру «Поучений». Неисчислимы здесь его карандашные отметки и подчеркивания ногтем (последние — почти на каждой странице). Необходимо учесть, что речь идет об издании

просит помочь «подвинуть» у батюшки свое литературное дело (подразумевается как раз работа над «Подругами»): «Продолжаю путаться в 3-х сюжетах и боюсь согрешить!» (*Леонтьев К. Н.* ПССиП. Т. 5. С. 887). Таким образом, со старцем подробно обсуждались не только биография о. Климента (Зедергольма) или публицистические статьи, но даже сюжетные ходы беллетристических произведений. Отца Амвросия Леонтьев называл своей «высшей духовной цензурой» (РГАЛИ, ф. 2980, оп. 1, ед. хр. 1011, л. 27).

²² Там же, ед. хр. 1054.

²³ Предшествовавшие русские переводы отдельных поучений перечислены в книге архиепископа Филарета (Гумилевского) «Историческое учение об отцах Церкви» (М., 1996. С. 158—159. 4-я паг.).

²⁴ *Свт. Игнатий (Брянчанинов)*. Странствие ко вратам вечности: Переписка с оптинскими старцами и П. П. Яковлевым... М., 2001. С. 122.

1888 года, т. е. до этого (а преп. Дорофей входил в постоянный круг чтения Леонтьева) он пользовался другими изданиями. От о. Иосифа книга досталась его преемнику в правах на издание леонтьевского наследия, С. Н. Дурылину, также оставившему на полях несколько помет. Важнейшие маргиналии Леонтьева Дурылин привел в своем докладе «К. Леонтьев и Лесков о Достоевском», прочитанном в 1925 году и оставшемся до сих пор неизданным.²⁵

Не вполне ясно, к какому точно времени могут относиться леонтьевские пометы (часть из них могла и не предназначаться для адресата) и когда именно книга была послана о. Иосифу. 4 декабря 1890 года Леонтьев писал ему: «Напишите — не нужно ли Вам книг? Я подарю Вам *Данилевского*? Еще что?». ²⁶ 10 декабря о. Иосиф благодарил «за предложение прислать книги», признавался, что ему «очень нужен теперь Данилевский»,²⁷ и прибавлял: «Мечтаю я также о каком-нибудь „отце-аскете“; например *Исаака Сирина* или что-нибудь подобное полезное для моей души. Лествичника я уже не только прочитал, но и „простудировал“, как теперь говорят. Варсонофия Великого²⁸ читаю с умилением; когда прочитаю, нечем будет питаться». ²⁹ Отвечая на эту просьбу, в январе 1891 года Леонтьев намеревался послать в Белосток «Авву Дорофея или Петра Дамаскина, или Исаака Сирина». ³⁰ Предпочел св. Исаака,³¹ предупредив, впрочем, что посылает славянское издание только «в виде опыта», и предложил, не смущаясь, вернуть книгу, если читать ее будет труд-

²⁵ РГАЛИ, ф. 2980, оп. 1, ед. хр. 163, л. 133.

²⁶ Там же, ед. хр. 1026, листы не нумерованы.

²⁷ По счастью, подаренный Фуделю экземпляр «России и Европы» Н. Я. Данилевского сохранился. Многочисленные пометы Леонтьева в этой книге должны стать предметом отдельного исследования.

²⁸ Фудель упоминает здесь о чтении полного оптинского издания «ответов» свв. Варсануфия и Иоанна. Кстати, в оптинском издании Поучения Аввы Дорофея, по традиции, выходили «с присовокуплением вопросов его и ответов на оные Варсануфия Великого и Иоанна Пророка». Видимо, памятуя об отношении о. Иосифа к св. Варсануфию Великому, Леонтьев и подчеркнул на титульном листе подаренной книги Аввы Дорофея синими чернилами «Вопросов ~ Пророка» и сопроводил это подчеркивание двумя NB слева и справа на полях.

²⁹ РГАЛИ, ф. 2980, оп. 1, ед. хр. 1038, л. 43 об.—44.

³⁰ Там же, ф. 290, оп. 1, ед. хр. 16, л. 3.

³¹ «Слова» св. Исаака были для Леонтьева не просто любимым христианским чтением, но буквально ежедневной духовной пищей. Когда в 1877 году он отдал свою книгу («славянское» издание 1854 года) племяннице, то почувствовал себя лишенным очень важной поддержки и купил творения преподобного в новом переводе. «Купил себе другой экземпляр. — И перевод другой; понятнее и вместе с тем *хуже*. — Я тебе эту книгу отдам; а ты не забудь Оптинскую мне назад привезти сюда. — Право, если я чем-нибудь доказал тебе в последнее время мою любовь, так это тем, что я тебе эту книгу отдал. — Без нее моя борьба стала сильнее» (из письма к М. В. Леонтьевой от 10 декабря 1877 года — РГАЛИ, ф. 290, оп. 1, ед. хр. 33, л. 38—39).

но.³² Так и произошло. 28 февраля о. Иосиф писал: «...Исаака Сирина пришло Вам, так как славянский язык я плохо знаю и много времени уходит на подобное чтение, притом еще многое непонятное и пропускается».³³ По-видимому, после этого неудачного опыта Леонтьев и решил подарить молодому священнику книгу Аввы Дорофея, называемую «азбукою монашества».³⁴ Однако о получении книги упоминаний в переписке нет. Не была она отправлена и вместе с другими подарками в марте 1891 года.³⁵ 3 апреля Леонтьев осведомлялся: «Получили ли *посылку*? Безпокоюсь».³⁶ О. Иосиф отвечал 6 апреля: «Посылку Вашу давно получил <...> Искренно благодарю за присланные книги; возвращу их Вам, по всей вероятности, лично — летом».³⁷ Вот при этой встрече в Оптиной пустыни и получил, вероятно, о. Иосиф «Поучения» Аввы Дорофея.

Разговор о «новом христианстве» начат уже на титульном листе:

«Прошу между прочим обратить внимание на то, как во всем этом и подобном мало *того рода* приторной сентиментальности, которую предлагает нам Достоевский — в речах *небывалого* старца *Зосимы*. К. Леонтьев».

Эти слова отсылают нас к теме сентиментального, «розового» христианства, которую Леонтьев обсуждал в 1880-х годах в переписке с Т. И. Филипповым, а позднее и с о. Иосифом Фуделем.³⁸

Основные маргиналии и подчеркивания сосредоточены в поучениях «О смиренномудрии», «О страхе Божиим», «О том, что не должно полагаться на свой разум», «О том, чтобы не судить ближнего», «О самоукорении».

³² Там же, ед. хр. 16, л. 19.

³³ Там же, ф. 2980, оп. 1, ед. хр. 1039, л. 24—24 об.

³⁴ А. Н. [Архим. Назарий]. Старцы: о. Паисий Величковский и о. Макарий Оптинский и их литературно-аскетическая деятельность // Отечественные подвижники благочестия 18 и 19 веков. Сентябрь. Введенская Оптина Пустынь, 1996. С. 497. («Азбука» еще и в том смысле, что именно с этой книги старцы советовали начинать чтение аскетических творений). Ср. в «Отце Клименте Зедергольме»: «...Исаак Сирина выше, глубже других, сходных с ним по направлению, аскетических писателей. В нем есть какая-то особая мистическая музыка <...> Авва Дорофей и даже Иоанн Лествичник попроще, подступнее; они полезны неопытным и менее ученым людям. <...> Исаак Сирина глубже («гуще», как говорил, улыбаясь, покойный Климент)...» (Леонтьев К. Н. ПССиП. Т. 6, кн. 1. С. 295).

³⁵ 19 марта Фуделю были посланы 1-й том сочинений А. С. Хомякова, 2-й том И. В. Киреевского, брошюра И. И. Кристи «О развитии догмата» и выписки из «Догматического богословия» митрополита Макария (Булгакова) (РГАЛИ, ф. 290, оп. 1, ед. хр. 17).

³⁶ РГАЛИ, ф. 2980, ед. хр. 1027, л. 48 (копия С. Н. Дурылина).

³⁷ Там же, ед. хр. 1039, л. 29.

³⁸ См.: Фетисенко О. Л. К истории восприятия Пушкинской речи: (Достоевский в неизданной переписке К. Н. Леонтьева и Т. И. Филиппова) // Достоевский. Материалы и исследования. СПб., 2001. Т. 16. С. 330—342.

В поучении «О смиренномудрии», например, отчеркнут известный рассказ об авве Зосиме и софисте. (Здесь Леонтьева могло привлечь, кроме прочего, еще и совпадение имени с героем «Братьев Карамазовых»).

«Некогда авва Зосима говорил о смирении, а какой-то софист ⟨...⟩ спросил его: „скажи мне, как ты считаешь себя грешным, разве ты не знаешь, что ты свят? разве не знаешь, что имеешь добродетели? Ведь ты видишь, как исполняешь заповеди: как же ты, поступая так, считаешь себя грешным?“ Старец же не находился, какой дать ему ответ, а только говорил: „не знаю, что сказать тебе, но считаю себя грешным“. Софист настаивал на своем ⟨...⟩. Тогда старец ⟨...⟩ начал говорить ему со своею святою простотою: „не смущай меня; я подлинно считаю себя таким“.

Видя, что старец недоумевает, как отвечать софисту, я сказал ему: „не то же ли самое бывает и в софистическом, и в врачебном искусствах? Когда кто хорошо обучится искусству и занимается им, то, по мере упражнения в оном, врач или софист приобретает некоторый навык, а сказать не может и не умеет объяснить, как он стал опытен в деле: душа приобрела навык ⟨...⟩ постепенно и нечувствительно, чрез упражнение в искусстве. Так и в смирении: от исполнения заповедей бывает некоторая привычка к смирению, и нельзя выразить это словом“. Когда авва Зосима услышал это, он обрадовался, тотчас обнял меня и сказал: „ты постиг дело, оно точно так бывает, как ты сказал“. И софист, услышав эти слова, остался доволен и согласен с ними».³⁹

Слова «Так и в смирении ~ выразить словом» на полях сопровождается помета «Превосходно!». На этом следует остановиться подробнее. Здесь Леонтьева-читателя привлекла мысль об исполнении заповедей как о первой (и, быть может, самой трудной) ступени к обретению «навыка» смирения. Размышляя о современном ему «сентиментальном» христианстве, Леонтьев называл одним из характерных признаков его своеобразную избирательность: что нравится, принимать, что не нравится, притрушевывать или игнорировать, словно не все в христианском учении одинаково непреложно.⁴⁰ Для писателя, обратившегося в 40-летнем возрасте и прошедшего тяжелейший искус, очень важным было представление о «лестнице». Нельзя сразу достичь высших ее ступеней (любви, рассуждения), не приблизившись к первой (отвержение мира). «Добродетель не груша, ее вдруг не съешь», — говорил св. Серафим Саровский.⁴¹ Далее мы уви-

---

³⁹ Преподобного отца нашего Аввы Дорофея душеполезные поучения и послания... М., 1888. С. 59—60. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

⁴⁰ Ср. в предисловии к «Нашим новым христианам» (Леонтьев К. Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 719).

⁴¹ Житие старца Серафима, Саровской обители иеромонаха, пустынножителя и затворника. 4-е изд. Муром, 1893. С. 194.

дим, что почти все развернутые записи Леонтьева на полях «Поучений» Аввы Дорофея связаны с этой идеей постепенности и трезвости в пути ко спасению.

Именно поэтому останавливали внимание Леонтьева рассуждения преподобного Дорофея о том, что «телесные труды, совершаемые разумно», служат путем к приобретению смиренномудрия (с. 61), а также почти все упоминания о связи труда (включая сюда и труд молитвы⁴²) и смирения. «...Бедная душа как бы состраждет телу и сочувствует во всем, что делается с телом. Посему-то и сказал старец, что и телесный труд приводит душу в смирение» (с. 62—63) — эти слова также подчеркнуты. Подчеркнут и один из фрагментов о гордости (с. 56).

Разумеется, особое внимание в связи с нашей темой надо обратить на пометы в четвертом поучении «О страхе Божиим». (Понятие «страха Божия» стало основным предметом полемики Леонтьева с «нашими новыми христианами»).

Попутно хочется вспомнить о вызвавшей обширную полемику цитате из «Наших новых христиан»: «Начало премудрости страх Божий, плод же его любовь».⁴³ Неоднократно указывалось на то, что Леонтьев якобы сам «сочинил» окончание библейской цитаты; по выражению современного исследователя, — «текст псалма дополнил собственным заключением».⁴⁴ Г. Б. Кремневым найдена параллель у св. Диодоха Фотикийского,⁴⁵ однако она немного «далека». У цитаты есть более очевидный источник: Леонтьев пользовался славянским «Добротолубием» (переводом св. Паисия Величковского), в нем и находим речение: «Начало убо добрых, страх Божий: конец же любви его».⁴⁶ Здесь, как и в цитируемом Леонтьевом изречении, любовь — конец (тот же плод) страха Божия. В более известном современному читателю переводе св. Феофана Затворника это выражение звучит иначе: «Начало добра — страх Божий, а конец, любовь к

⁴² Леонтьев часто писал о пользе молитвы с «понуждением себя».

⁴³ *Леонтьев К.* Собр. соч.: В 9 т. М., 1913. Т. 8. С. 159, 167, 183.

⁴⁴ *Бочаров С. Г.* Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 360, 395 (со ссылкой на статью архим. Антония (Храповицкого) «Как относится служение обществу к заботе о спасении своей собственной души?» (1892)). В связи с вопросом о точности цитирования можно привести признание Леонтьева из письма к Т. И. Филиппову от 12 ноября 1887 года: «Пожалуйста не будьте строги к моим цитатам из Св. Писания и Св. отцов; я их *очень люблю* и они часто незаменимы, но едва ли я хоть одну помню с полной точностью» (РГАЛИ, ф. 2980, оп. 1, ед. хр. 1025, л. 26).

⁴⁵ *Кремнев Г. Б.* [Комментарий] // Леонтьев К. Восток, Россия и Славянство. С. 717.

⁴⁶ Цветособрание советовательно любомудрецов тщаливых, излюбомудрствовано и сотворено Илиею малейшим пресвитером и Екдиком // *Добротолубие, или Словеса и главизны священного трезвения: Часть четвертая.* М., 1857. Л. 191.

Богу».⁴⁷ Здесь любовь — просто «конец добра» (т. е. исполнения заповедей).⁴⁸

Леонтьев не лукавил, прибавляя от безымянных «отцов»: «а любовь только плод». Учение о любви как плоде страха Божия встречается не только в приведенной малоизвестной цитате из «Цветособрания» Или Екдика, но и в творениях таких святых, как Ефрем Сирий, Иоанн Лествичник, Исаак Сирий, Симеон Новый Богослов. Коснулся этой темы и старший современник Леонтьева свт. Игнатий (Брянчанинов). Обратим внимание лишь на одну возможную параллель. В то время еще не были переведены на русский язык гимны св. Симеона Нового Богослова, но в своем переводе Игнатий (Брянчанинов) их цитировал. Так, в «Слове о страхе Божием и о любви Божией» (1844) он приводил большие фрагменты из 2-го гимна св. Симеона, посвященного страху Божию. «От страха зарождается любовь...» — говорится в этом гимне. Страх Божий уподобляется псаломскому «дереву при исходищах вод», испускающему «странный цвет», который «оканчивается в плоде любви». «*Страх в любви отнюдь не обретается, так как, в противоположность этому, душа не приносит плода без страха.* (...) Дерево с трудом процветает и приносит плод; плод же, напротив, искореняет все дерево, и пребывает плод, пребывает один (...). Цвет и плод эти, порожденные страхом, находятся вне этого мира».⁴⁹ Слово архимандрита Игнатия (некогда бывшего послушником старца Льва) с этой развернутой цитатой несомненно читалось в Оптиной пустыни. Не к нему ли восходит образ любви как плода с древа страха Божия?

Заметим также, что, когда у Леонтьева «отцы» прибавляют, «а любовь только плод», можно увидеть в этих словах ссылку на апостола Павла: «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение...» (Гал. 5: 22), где любовь действительно плод — *совершенный дар, сходящий свыше от Отца светов.*

В личном опыте Леонтьева (смертельная болезнь, чудесное исцеление, обет перед иконой Божией Матери) был важен момент обретения «памяти смертной». Самые близкие ему молитвенные прошения православного богослужения — испрашивающие «безболезненной, непостыдной, мирной кончины живота нашего» и «доброто ответа на страшном судище Христове». В 4-м поучении Аввы Дорофея он подчеркивает слова: «благоугождаем ему, боясь мук» (с. 71); «Отцы сказали, что человек приобретает страх Божий, если имеет память смерти и память мучений» (с. 77); «Отгоняем же страх Божий от

⁴⁷ Добротолюбие в русском переводе. 2-е изд. М., 1900. Т. 3. С. 422.

⁴⁸ Многочисленные параллели можно найти и в оригинальных творениях святителя Феофана.

⁴⁹ *Игнатий (Брянчанинов), еп.* Сочинения. Т. 2: Аскетические опыты. 3-е изд. СПб., 1905. С. 70—73. Ср. с переводом иеромонаха Пантелеимона (*Симеон Новый Богослов.* Божественные гимны. Сергиев Посад, 1917. С. 25—27).

себя тем, что делаем противное сему: не имеем ни памяти смертной, ни памяти мучений <...> но живем нерадиво...» (с. 78).

К словам «или делаем добро ради самого добра» сделано примечание:

«Мало ли что! *Начинать* надо с *рабства* и *страха*; нынче всё *прямо* норовят от гордос<ти> в *сыновья*! Не... (край листа обрезан при переплетении. — *О. Ф.*)» (с. 71). (Имеется в виду воззрение святых отцов о трех состояниях, трех „мотивах“ к исполнению заповедей: рабства, наемничества и сыновства).

Слова «Таковой уже не боится <...> Бога, конечно, тем первоначальным страхом, но любит его, как и святой Антоний говорил: я уже не боюсь Бога, но люблю Его» (с. 72) вызывают примечание: «Другой *розовый* христианин вообразит как раз, что и он *Антоний!* Плод ума (несколько слов *нрзб.*, край листа обрезан. — *О. Ф.*) и по *природному* добродушию дается». Эти же слова св. Антония Великого прокомментированы Леонтьевым и в письме к А. Александрову от 24—27 июля 1887 года: «Та *любовь* к *Богу*, которая до того *совершенна*, что *изгоняет* *страх*, доступна только очень немногим; — даже из святых <...> очень немногие позволяли себе говорить то, что позволил себе сказать Антоний Великий: „*Я Бога теперь уж так люблю, что и не боюсь Его*“. — Сказал он это после таких испытаний и искушений, что нам и подумать страшно».⁵⁰

Много подчеркиваний сделано во фрагменте о совершенном страхе. Рядом со словами святого о людях, стяжавших этот высший род страха Божия, «они уже не по страху действуют, но боятся, потому что любят» (с. 73) Леонтьев написал на полях «и *все-таки боятся*» (полужирным курсивом передаем подчеркивание двумя чертами).

Рядом с рассуждением о переходе от состояния раба к состоянию наемника вновь помета «Превосх<одно>» (с. 73). На с. 74 отчеркнуто еще одно место о постепенном обретении совершенного состояния: «Ибо когда он постоянно будет избегать зла, как мы сказали, из страха, подобно рабу, и делать благое в надежде награды, подобно наемнику, то, пребывая, по благодати Божией, во благом, и соразмерно сему соединяясь с Богом, он получает вкус благого и начинает понимать, в чем истинное добро и уже не хочет разлучаться с ним». На полях рядом с этим фрагментом Леонтьев написал: «А нынешние *пресные* боголюбцы прямо вверх прыгают. — Я же — грешный, — живу, по милости Божией, до сих пор на положении *наемника*».

Читая о «памяти мучений», необходимой для приобретения страха Божия, и о «дерзости», отгоняющей этот страх, Леонтьев записал карандашом на полях: «Вот и пресные боголюбцы — *ада* [не] хотят <п>ризнавать» (с. 78). Здесь несомненно подразумевается Вл. С. Со-

⁵⁰ РГАЛИ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 669, л. 13 об.

ловьев. О его взглядах на проблему вечности мучений⁵¹ Леонтьев еще 1 марта 1879 года писал старшему брату философа Вс. Соловьеву (непосредственно после известного фрагмента о православии как о «нервной системе славянского организма» и о том, что «Достоевский ⟨...⟩ понял это»⁵²). Приведем обширную цитату из этого письма, поскольку в ней звучат те же мотивы, что и в написанной в следующем 1880 году статье «О всемирной любви»:

«Правда, ваш мыслящий, смелый и ученый брат сулит нам какого-то *Оригеновского журавля в небе*, вместо той старой, но еще свежей *синицы*, которую мы держим *еще в руках*. — ⟨...⟩ Я очень люблю Влад⟨имира⟩ Сергеев⟨ича⟩; всегда его статьи внимательно читаю, очень много о нем *здесь* думаю; во многом, в общих взглядах согласен с ним (даже *восторженно* согласен!), но... хоть бы по вопросу о *вечном загробном наказании*... нет ли и тут чего-то *эмансипирующего*, эвдемонического, приближающегося к какой-то прогрессивной *гуманности*, к чему-то более *имманентному* и *эгалитарному*, чем к аскетически-трансцендентному?..

Боюсь, не ищет ли он все *оснований на любви*... Но „*любь есть плод*“, а начало Христианской премудрости есть *страх Божий*. А за неимением страха Божия, не дурен и страх Бисмарка, Муравьева Виленского и Императора Николая?.. Очень недурен этот страх!..

Какая может быть тут на земле *любовь*!..⁵³ Я смею думать, что проповедь *бесстрашной любви* есть не что иное, как „*le monde à l'envers*“, бессознательная подготовка *имманентной* религии, анти-трансцендентной, т. е. анти-Христианской, т. е. *Царства Анти-христа*...

---

⁵¹ Ср. с приведенными о. Эразмом (Вытропским) словами преп. Амвросия Оптинского о Соловьеве, сказанными, кстати, по поводу статей Леонтьева «Владимир Соловьев против Данилевского»: «А спроси-ка у него, как он думает о *вечных мучениях*?» (Е. В. [Эразм (Вытропский)]. Историческое описание Козельской Оптиной Пустыни и Предтечева скита. С. 125).

⁵² Литературное наследство. Т. 86: Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. М., 1973. С. 473.

⁵³ К вопросу о том, какая «может быть тут на земле *любовь*», хочется вспомнить обстоятельства, в которых Леонтьев писал свою знаменитую статью «О всемирной любви». «Я приехал в мае домой к своим именинам из Москвы больной и простуженный до того, что до 1/2 июля из своего флигеля почти не выходил. — Не успел я прийти в себя от этого, как Людмила очень опасно занемогла. — Она была у нас в Кудинове; приехала дня на два и вдруг заразилась дизентерией, на которую было в это время поветрие, и осталась у нас почти на месяц в постеле. ⟨...⟩ Совещаясь с другими, потому что болезнь была не проста и с разными тонкими и опасными осложнениями, я вынужден был следить за лечением сам и в *то же самое время* писал те возражения Достоевскому, которые Вы читали в „Варш⟨авском⟩ Дневнике“. — Верьте, мне стоил этот труд больших усилий; вы это поймете; вообразите только себе совпадение серьезного труда мысли и труда срочного с заботами о дорогом человеке, с ответственностью за жизнь его, лежащей прямо и почти исключительно на Вас!» (из письма

Любовь может на земле восходить лишь как благоуханный дымок — „яко кадило пред Тобою“;⁵⁴... не она *жжет*... жжет курение наше *огонь страха*... а *любь есть* лишь тонкий и высший продукт — страдальческого самосгорания всей нашей жизни земной...

Она ведь ужасна — эта жизнь и никогда не поправится...».⁵⁵

Необходимо сказать несколько слов о ярком, резком выражении «пресные боголюбцы», которое Леонтьев дважды употребил в своих пометах на книге Аввы Дорофея. Оно находится в том же семантическом поле, что и «маргариновое христианство».⁵⁶ Приближающееся «к какой-то прогрессивной *гуманности*» «новое христианство», отклонения в которое писатель предостерегал о. Иосифа и его сверстников, не всегда сентиментально-слащаво (этот смысл Леонтьев выражал эпитетом «розовый»). «Пресные боголюбцы» могут быть очень деятельны, социально активны, весьма полезны для облегчения земной скорби. Что же настораживает «оптинского отшельника»? Словом «пресный» у него оттенен признак искусственности, поддельности (так пресен маргарин) и, главное, отсутствие подлинной *евангельской соли* (Мф. 5: 13; Мк. 9: 49—50; Лк. 9: 50; Кол. 4: 6). По выражению преп. Исидора Пелусиотского, давшего толкование на другое место Писания — исцеление пророком Елисеем неплодных Иерихонских вод (пресных!) с помощью соли (4 Цар. 2: 21), соль служит «образом заключающихся в Господнем учении силы и свойства все напоевать собою», а «воды, делающие бесплодными, прообразовали собою все человечество, с его неспособностью порождать добродетели и с бесплодием благочестия».⁵⁷ Вот это «бесплодие благочестия» и подразумевал Леонтьев, говоря о пресных боголюбцах. «Наши новые христиане» для него — это люди, «имеющие вид благочестия, силы же его отвергшиеся» (2 Тим. 3: 5). Понимание Леонтьевым «пресности» как бесплодия подтверждает и цитировавшееся выше письмо к А. Александрову: «...то, что многие из нас считают в себе любовью к Богу — это весьма несовершенно и обыкновенно бесплодно без помощи и примеси страха (Божия)».⁵⁸

В статье «К истории восприятия Пушкинской речи» мы уже упоминали о том, что Леонтьев боролся за влияние на своего ученика,

---

К. А. Губастову от 3 сентября 1880 года — РГАЛИ, ф. 290, оп. 1, ед. хр. 28, л. 90—90 об.). Этот рассказ лучше всего объясняет, почему возражение Достоевскому вышло столь резким. Л. О. Раевская, о которой здесь идет речь, как и Леонтьев, была духовной дочерью старца Амвросия и стала впоследствии монахиней Шамординского монастыря. Как не усмотреть и здесь встречи «окрест Оптиной»!

⁵⁴ Пс. 140: 2.

⁵⁵ РГИА, ф. 1120, оп. 1, ед. хр. 98, л. 35 об.—37.

⁵⁶ См.: *Фетисенко О. Л.* К истории восприятия Пушкинской речи. С. 334.

⁵⁷ *Преп. Исидор Пелусиот.* Письма. М., 2000. Т. 1. С. 9.

⁵⁸ РГАЛИ, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 669, л. 13 об.—14.

«студента-юриста», а впоследствии молодого священника, призывая его от «пути Достоевского» (выражение самого И. Фуделя) на строго церковный путь.⁵⁹ Мотив педагогического соперничества с автором Пушкинской речи характерен и для писем Леонтьева к А. Александрову, Н. А. Уманову и другим ученикам. Посланная о. Иосифу книга Поучений Аввы Дорофея с леонтьевскими пометами должна была, по-видимому, послужить важным аргументом в многолетнем разговоре о «новом христианстве».

Однако важно заметить, что спорил Леонтьев не столько с «мучеником стремления своего веровать»,⁶⁰ сколько с неприемлемым для него поворотом от Достоевского, наиболее ярко проявившемся в «Трех речах в память Достоевского» Вл. Соловьева.⁶¹ А за этим поворотом уже предугадывался еще один из вариантов развития русской христианской мысли в XX в. — «новое религиозное сознание».

И себя, и Достоевского Леонтьев считал лишь необходимой, по немощи человеческой, ступенью к иным высотам: «И я только *приготовление*, вторая ступень (после Достоевского⁶²) к отцам Варнаве, Амвросию, Иоанну Кронштадтскому — к чтению Иоанна Лествичника, Варсонофия Великого, Аввы Дорофея и т. д. *И Евангелие* надо *сквозь их стекла* читать; — а не своевольно, как Протестанты». ⁶³ Думается, что, называя себя «приготовлением», он говорил не столько о своих книгах, сколько о реальном действии — стараниях препоручить чью-то душу старцу (кстати, все трое, названные им, ныне прославлены в лике святых), научить людей «красоте Церкви». «Сам я какой же советчик и какой я старец <...> мне не только смешно, но даже и страшно было бы, если бы меня кто-нибудь счел за настоящего руководителя. — У меня что есть? — У меня есть, конечно, вера (благодарю Бога и монахов за это приобретение); есть некоторый опыт личной христианской внутренней борьбы <...> и есть... нельзя даже сказать *начитанность*, а некоторое давнее уже знакомство с а-

⁵⁹ Фетисенко О. Л. К истории восприятия Пушкинской речи. С. 341.

⁶⁰ Так в 1885 году назвал Достоевского С. Ф. Шарапов (Переписка И. С. Аксакова и С. Ф. Шарапова (Вступ. ст., подгот. текста, коммент. О. Л. Фетисенко) // Русская литература. 2005. № 1. С. 162).

⁶¹ Спор с Соловьевым намечался еще при жизни Достоевского, о чем свидетельствует фрагмент первоначальной редакции статьи «О всемирной любви», изъятый Леонтьевым при подготовке брошюры «Наши новые христиане»: «...наш молодой и столь замечательный мыслитель Влад. Соловьев — надеется, по-видимому, извлечь из русского православия высокую и плодоносную квинт-эссенцию *любви*, оставляя в стороне *все устарелое, сухое с виду и строгое*» (Варшавский дневник. 1880. 29 июля. № 162. С. 3).

⁶² Все-таки себя (может быть, как живущего под старческим окормлением?), забыв о проповедуемом смирении, Леонтьев поставил выше Достоевского.

⁶³ Письмо И. Фуделю от 22 апреля 1888 года (РГАЛИ, ф. 290, оп. 1, ед. хр. 100, л. 5—5 об.).

кетическими писателями...».⁶⁴ Далее среди любимых отцов-аскетов Леонтьев называет и Авву Дорофея.

Имеет смысл еще раз подчеркнуть, как важно, что Леонтьев сделал так много помет в главах о смирении и страхе Божиим, настаивая на постепенности в духовном труде христианина. (Идея эта, впрочем, не была чуждой и Достоевскому, что осталось для его оппонента незамеченным). Сентиментальным «восторгам» в леонтьевских маргиналиях противопоставлялась трезвость древних отцов, нашедшая продолжение в близких писателю афонской и оптинской традициях. Эта трезвость звучит и в словах Леонтьева, написанных, кстати, по поводу ранней брошюры И. Фуделя: «...нужно *проповедовать* любовь, ибо ее очень мало; но не надо ее *пророчить*; — чтобы без пользы не разочароваться горько».⁶⁵

Нарушая академический канон и отвлекаясь от прямого «посвящения» помет на полях (Достоевскому, Вл. Соловьеву или нарождающимся «новым христианам»⁶⁶), позволим себе в заключение заметить, что для нас, живущих в эпоху пламенного неопитства, причудливо сплетенного с новой «официальной» церковностью, не менее чем для современников и учеников Леонтьева, полезно предостережение не «воображать» себя новыми Антониями, не «норовить в сыновья», хотя и стремиться при этом «к почестям высшего звания» (Флп. 3: 14).

Тема «Достоевский и Леонтьев» несомненно еще не раз будет привлекать внимание исследователей. Возможно, если несколько отойти от проблематики спора «о всемирной любви», который, по выражению С. Г. Бочарова, «и до сих пор для нас не остыл»,⁶⁷ станет заметнее глубинное родство двух писателей. Может быть, именно это неузнанное (или отвергаемое) родство и не давало Леонтьеву даже через десять лет после смерти Достоевского завершить разговор с ним? С чужим так долго не говорят.

---

⁶⁴ Письмо С. Ф. Шарапову от 18 мая 1888 года (Переписка К. Н. Леонтьева и С. Ф. Шарапова (1888—1890) / Вступ. ст., подгот. текста, коммент. О. Л. Фетисенко // Русская литература. 2005. № 1. С. 130). Здесь же Леонтьев рассказывал о том, как ему приходилось, однако, брать на себя роль духовного руководителя: «Напр(имер), как юношам не открыть глаза на то, что христианство Достоевского одно лишь младенческое „млеко“, а не настоящая пища. — Что читать его не только приятно, но и очень полезно, но только для *первого шага* на добром пути» (там же. С. 130—131). Ср. в письме к А. Александрову (24—27 июля 1887 года): «Но надо доходить скорее до того, чтобы Иоанн Лествичник больше нравился, чем Ф. М. Достоевский» (РГАЛИ, ф. 2, оп. 669, л. 6 об.). В этом же письме, кстати, Леонтьев говорит о себе в сравнении со старцами Амвросием Оптинским и Варнавой Гефсиманским: «Я млеко; они твердая пища» (там же, л. 13).

⁶⁵ Из письма к Н. А. Уманову от 28 ноября 1889 года (РГАЛИ, ф. 290, оп. 1, ед. хр. 43, л. 15 об.). В следующей же фразе вполне предсказуемо упомянут Достоевский.

⁶⁶ Совсем немного лет отделяет эти записи на полях от появления «церкви» Мережковских.

⁶⁷ Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. М., 1999. С. 392.